

Копирование,
тиражирование и распространение
материалов, содержащихся в книге, допускается только
с письменного разрешения правообладателей.

Лада Шведова

ЛЕТО
НЕБО
САМОЛЁТЫ

The title is presented in three lines of large, black, sans-serif Cyrillic letters. A thick, grey, hand-drawn brushstroke arc curves around the text from the bottom left to the top right. A small, grey silhouette of an airplane is positioned within the upper right portion of the arc, appearing to fly across the sky.

N SUGAR
BOOKS

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ШЗ4

Шведова Л.

ШЗ4 Лето. Небо. Самолеты / Шведова Л. — М.: Издательство АСТ, 2024. — 320 с. : ил — (NoSugar. Романтика).

ISBN 978-5-17-164338-6.

Вместо путешествия на море Томе предстоит летняя практика с мытьем самолетов и разбором старых ангаров. А тут еще подруга просит помочь с соблазнением Эдика Исаева — пилота-третьекурсника! Но сам Эдик, кажется, заинтересован совсем другой девушкой... Томе предстоит нелегкий выбор. А еще эта практика изменит судьбы многих, ведь лето — это маленькая жизнь.

Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шведова Л., текст, 2024
© Neigasu, иллюстрации на обложку
и форзацы, 2024
© GizSkyriser, иллюстрации в блоке, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ГЛАВА 1

Практика. Автобус. Подруги

Половину лета мыть ржавые самолеты — так себе практика. В чем именно они практикуются, в конце концов? Сразу же ясно, что руководство университета просто понятия не имело, куда деть две группы вчерашних первокурсников, а самолеты в музее простаивали и не мылись... наверное, никогда.

А Тома, между прочим, из-за этой практики не полетела с родителями отдыхать. Все решилось в последний момент: начальник курса собрал всех в конце мая и заявил что-то вроде «Помните, ваша практика была под вопросом? Вот теперь уже нет, с ней все решилось. Ура, ликуйте! Будете кататься ежедневно в музей и помогать администрации, за это и получите зачет, без которого на второй курс вас никто не переведет. Удачи на предстоящих экзаменах!»

При этом Юрий Валентинович улыбался, точно

дарил им лучшее лето на свете, тогда как на самом деле планы многих попросту рухнули. У Тома это была Турция с родителями, между прочим, впервые в жизни собрались все вместе. И как же ей хотелось на море! Она успела прожужжать уши подружкам, насмотреться красивых фото и даже купить салатный купальник, в котором планировала рассекать теплые волны и встречать оранжевые закаты. Повезло, что получилось вернуть деньги за билет, а оранжевые закаты Тома теперь увидит разве что на расфокусированных фотографиях, что так любила отправлять ей мама, дополняя все описаниями с обязательной агрессивной точкой в конце предложения.

Для поездки на практику полагалось собираться возле так называемой «трубы»: оттуда отчаливали автобусы с практикантами. Всего автобусов было несколько: три новеньких и разве что на солнце не сияющих, словно какой-нибудь Эдвард Каллен, и один выдавший виды, странного оранжевого цвета и с покосившимися окнами, этакий пролежавший столетие в гробу Дракула.

— Спорим, этот будет наш? — противно заржал Данил Рылов, одноклассник Тома с ампулы задорного шутника. На самом деле, шутки его всегда были так себе, по крайней мере, Тому не смешили. Вот и сейчас она не улыбнулась, когда Данил побежал рисовать на пыльном автобусе женскую грудь.

— Боюсь, Данил прав, — вздохнула рядом Марина и аккуратным пальчиком указала в сто-

рону мужских общежитий. Оттуда как раз вывернул отряд будущих пилотов. Они тоже направлялись на практику — все в одинаковых синих летных костюмах, со сосредоточенными лицами и сумками в руках. Хотелось бы сказать, что с серьезными лицами, но нет — пилоты весело переговаривались, перебивали друг друга и без усталости гоготали. Как-то не верилось, что эта разномастная толпа когда-нибудь станет лицом авиации.

Под присмотром инструктора пилоты выстроились у новеньких автобусов, провели переключку, разделались на три равные группы и вскоре отбыли. Конечно, оставив на парковке едва пыхтящего оранжевого старичка с нарисованной на пыльном боку пышной грудью.

— Какие они все красивые, хотя даже не в форме! — зачарованно протянула Марина, провожая взглядом уезжающие автобусы, и повернулась к Томе: — Слышала, что мы не всю практику проведем в музее, на аэродроме тоже нужна помощь. Там я и познакомлюсь с Эдуардом.

Тома только вздохнула.

Высокопарно *Эдуардом*, да еще с придыханием, Эдика Исаева могла назвать только Марина — подруга всегда выражалась так, словно они жили в Лондоне восемнадцатого века, а не в современной российской провинции. И вот уже целый год Эдик был навязчивой мыслью Марины, она говорила о нем даже чаще, чем о трудностях в химии. А Марина вечно говорила о химии! В общем,

с подругой все было ясно: безнадежно влюбилась и пропала. И ведь Эдик даже не был классическим красавчиком, просто симпатичным, самоуверенным и наглым.

Впрочем, как и большинство потомственных пилотов.

То была особая каста: дети из авиационных семей, у многих летали еще дедушки, и сейчас эти дедушки заседали на каких-нибудь важных постах в крупных авиакомпаниях. Ну а их внуки... были мажорами обыкновенными, таких везде полно. Но конкретно в их авиационном институте концентрация была максимальной и узконаправленной.

Само собой, дедушка Эдика Исаева занимал какой-то важный пост в Министерстве Транспорта, а его отец возглавлял отряд в крупнейшей авиакомпании страны. Само собой, Эдик воспринимал заслуги предков своими собственными, отчего его чувство важности не поддавалось измерению. И с такими вводными данными Эдик был привлекательной мишенью для большинства девочек, даже вся такая серьезная и вдумчивая Марина не устояла. Еще в первую учебную неделю Эдик ей подмигнул, и понеслось...

Тому это удивляло, особенно поначалу.

С Мариной они познакомились сразу после школы, когда приехали в университет осмотреться. Обе оказались абитуриентками, разговорились и подружились. Даже в одну группу попали, что дружбу только укрепило, хотя были они очень

разными. Марина не выходила из дома без идеально отутюженной рубашки, длина ее форменной юбки не выбивалась из регламента, на кителе ни разу не нашлось ни одной пылинки, а галстук всегда был строго на месте. Марина выступала примером, на который вечно ссылался их начальник курса, отчитывая в очередной раз наглеца, пришедшего на учебу без галстука или — что совсем край — в джинсах! И зная все это, Тома наивно полагала, что такой идеальной и правильной Марине и парни нравятся примерно такие же, а не всякие нахальные Эдики, подмигивающие налево и направо незнакомым первокурсникам. Она вообще не понимала, как взор подруги мог упасть на такого, как он.

— Ты ведь сможешь? — спросила Марина. — Тамара, я никогда тебя ни о чем не просила, но... в следующем году он будет на четвертом курсе! Времени на знакомство все меньше и меньше, а я перед ним робею.

Это точно.

Подмигивающий Эдик, как мысленно окрестила его Тома, одним миганием не ограничился, и как-то поздоровался с Мариной в университетской столовой. Первый поздоровался, между прочим! Возможно, потому что она на него неотрывно пялилась на протяжении всего обеда, у парня, должно быть, рыба поперек горла встала от такого внимания. Марина от короткого приветствия так оторопела, что не смогла выдать ни слова

и побелела от ужаса. А когда отошла, Эдика уже и след простыл. Сцена была та еще, Тома тогда от ужаса едва не спятила, думала, у Марины сердечный приступ случился или инсульт в неполные девятнадцать.

В общем, ну ее, эту влюбленность — одни беды от нее. Сама Тома бы точно не хотела вот так запросто терять дар речи из-за какого-то там Эдика Исаева. Парень и парень, пусть даже и будущий пилот.

Это, конечно, отдельная история их университета.

В основном тут училось будущее авиации: пилоты, диспетчеры, но в авиационной сфере нужны и другие специалисты, и они тоже не берутся из ниоткуда. Учатся с пилотами, слушая, какая они элита и какое их ждет замечательное и блистательное будущее. Даже начальник курса *безопасников*, на минутку, об этом распинался, хотя мог бы и поддержать своих. Автобус получше выбить, например, а то этот и до музея не допыхтит. Или курсанты в нем не допыхтят, задохнутся черным дымом по дороге.

Наконец прибежала экологичка — куратор будущей практики, и начала переключку. Данил выдал с десятков несмешных шуток, стремительно краснеющая Светлана Анатольевна просила его прекратить, но просила таким тоном, что Данил верно распознал посыл: продолжать. А то дорога будет скучной. Светлана Анатольевна сама недавно

закончила университет и была для всех скорее подружкой-практиканткой, чем каким-то там куратором. Есть шанс, что она не заставит их драить самолеты зубной щеткой, словно у них тут армейские реалии — а именно об этом распинался начальник курса, «рекламируя» практику. Но у Валентиныча вообще специфический юмор.

— Так что насчет Эдуарда? — прошептала Марина уже в автобусе.

— Что насчет него?

— Ну ты... поможешь мне?

— Конечно, я тебе с ним помогу, — пообещала Тома, прекрасно понимая, как тяжело даются подруге вот такие просьбы о помощи, но при этом совсем не зная, как вообще можно помочь в таком щекотливом вопросе, да еще и Марине с ее привычкой столбенеть в присутствии Исаева. Не говоря уж о том, что из Тома помощница в вопросах флирта и знакомств та еще.

Марина разволновалась:

— Ох, Тамара, я... спасибо!

— Пока еще не за что. Но Эдику не скрыться, не улететь от тебя ни на одном самолете. Если понадобится, переведусь в группу пилотов и лично выпихну его из самолета прямиком в твои объятия. Останется только поймать! — Тома рассмеялась и обняла смущенную подругу, которой просто необходимо было избавиться от напряжения.

После объятий Марина поспешила разгладить кофточку с кружевным воротничком. Любой на ее

месте с такими кружавчиками выглядел бы бабушкой, но она умудрялась быть леди, которая невесть каким образом очутилась в вонючем автобусе, хотя должна жить в Англии и пить чай, оттопырив аккуратный палец.

— Любишь ты пошутить, Тамара! Прямо как Юля — у нее тоже одни шуточки на уме... а я на эту практику почти молюсь. За год наши пути с Эдуардом почти не пересекались, у нас даже занятия в разных корпусах! Конечно, я перед ним терялась. А тут мы будем совсем близко, есть шанс привыкнуть и... поговорить. Не практика, а подарок!

— В этом наше отличие — я бы предпочла Турцию и море, а не этот... подарок.

— Ты сама говорила, что с родителями будет скучно.

— Но потом я узнала об альтернативе с музеем и поняла, что на море скучно быть не может. Скорее всего... последний раз я там была лет в десять, помню, было очень даже весело. Мы с папой много ныряли и ходили в горные походы.

Марина коротко улыбнулась:

— Вот увидишь, лето будет замечательным! Небо, самолеты и мы — о море и думать забудешь! И как знать, вдруг у Эдика найдется симпатичный друг, которым ты увлечешься?..

ГЛАВА 2

Дорога. Планы. Ветрова

Выехать с территории университета удалось не сразу — кто-то преградил им дорогу, отчаянно размахивая руками и призывая открыть дверь. Почти сразу после этого в автобус влетела Юлька и плюхнулась рядом с Мариной и Томой, бесцеремонно подвинув их к окошку.

— Фух, еле успела! — пробормотала подруга, поправляя растрепанную светлую челку — результат очередного ее эксперимента. До челки было каре, а до каре — черная краска, что на Юлиных волосах отрастала чудовищно. Впрочем, Ветрова из-за таких вещей никогда не расстраивалась.

С Юлькой Ветровой они подружились уже во время обучения. К тому времени все успели разбиться на компании, а кто-то, как Дашка Сорокина и Катя Румянцева, и вовсе дружили с детства и поступали в один университет целенаправленно. А Юлька была эдакой веселой и безбашенной

одиночкой, которой все восхищались и активно ее обсуждали. И Ветрову как будто все устраивало. Но однажды Марина слегла на три недели с пневмонией, тогда-то Юлька прибилась к одинокой Томе. И пошло-поехало.

С тех пор они везде болтались втроем и на лекциях сидели тоже втроем, представляя собой забавное сочетание. Юлька была светловолосой (большую часть времени), круглолицей и вертялкой, и вечно разбавляла синюю форму то ядовито-розовой рубашкой (что совсем не по уставу), то желтым галстуком (тоже нет, но терпимо), то брюками в задорную клеточку (за что получила выговор от начальника курса и два часа потом гребла листья по осени). А еще она попала в авиационный мир случайно — поступила наугад, прошла по баллам и сорвалась в другой город за несколько тысяч километров от дома. Подумаешь, большое дело! Это по меркам Ветровой, конечно.

Юльку оттеняла вечно одетая с иголки Марина. Кажется, она и волосы-то никогда не распускала, а стоило: такую густую кудрявую копну насыщенного темно-рыжего оттенка прятать незаконно! А Марина не только прятала, она перед этим еще и упорно выпрямляла буйные кудри. С поступлением у нее тоже связана целая история: мечтала быть диспетчером, но подвело зрение. Целеустремленная Марина уже не видела себя без авиационной формы, утренних построений перед парами и светлых корпусов, окруженных голубыми

елями, поэтому подалась наугад в безопасники с мечтой когда-нибудь перевестись на заветного диспетчера.

Ну и между ними балансировала Тома с темно-русыми волосами до плеч, обычными карими глазами и среднестатистической внешностью. Тома не комплексовала, она искренне любовалась более яркими подругами и понимала, что ее очарование в другом, пока не найденном. Возможно, даже в ее среднестатистичности.

Связующим звеном этой дружбы стала именно Тома, просто потому что она была чем-то средним между по-хорошему, но все же чокнутой Юлькой, и истиной леди Мариной. Если назначалась встреча, то Юлька обязательно опаздывала на час, а Марина приходила раньше, ведь опоздание равно неуважению. Если шла лекция, то Юлька весело перекидывалась шутками с Даней и его друзьями, а Марина старательно писала и подчеркивала особо важные моменты цветными маркерами, не отвлекаясь ни на что более. И так до самых мелочей.

Тома же оказалась неким усредненным вариантом. Ей нравилась легкая безуминка Юльки и умение всегда выглядеть королевой Марины. Ее не напрягали опоздания, ведь зная Юльку, легко можно назначить встречу раньше на час, а самой прийти позже. Но Марине такое было непонятно: зачем эти манипуляции, когда можно объяснить человеку, как важно приходить вовремя?

